

Пейзаж после взрыва

Выступление камерного ансамбля "Солисты Москвы" — всегда событие, ну а когда с ним играет еще и сам Юрий Башмет (художественный руководитель и дирижер коллектива), — событие вдвойне.

На этот раз в Большом зале столичной консерватории любителей музыки ждала весьма своеобразно построенная программа концерта в честь Святослава Рихтера, в которой Башмет предстал перед публикой сразу в трех амплуа. В качестве солиста ("Abii ne viderem" для альты и струнного оркестра Г. Канчели; *Andante cantabile* для альты и струнного оркестра Чайковского), дирижера (Бетховен — Малер. Струнный квартет фа минор оп. 95) и редактора сочинения А. Шнитке (мастерски выполненное переложение для струнного оркестра трио-сонаты).

Как ни странно, при высокопрофессиональной игре исполнителей, при неповторимом мастерстве великого альтиста общее впечатление от концерта осталось приблизительно такое же, как после прочтения романов В. Набокова — сильное, но тяжелое, психологически убедительное, но давящее своей односторонней направленностью в обретении красоты и ее же разрушении изнутри. Все четыре произведения оказались четырьмя частями одной большой жуткой симфонии, в пространстве которой единственной светлой звездой оказался Чайковский.

После струнного квартета Бетховена в малеровской аранжировке, где оркестр продемонстрировал свое умение воплощать в резких контрастах особое философское настроение, развивающееся то в сторону затаенного страха, то скептического взгляда на мир как на глупую шутку, состоялось открытие "Abii ne viderem". Впервые в России исполнялось недавно написанное сочинение уже "почти классика" поставангарда — Г. Канчели.

Появление этого опуса в большой мере симптоматично. Он насквозь проникнут "новой духовностью", искренностью восприятия окружающего как сплетения трагических коллизий (продолжая линию предыдущих симфоний). Но если

раньше надежда, которая умирает последней, призрачно искрилась вдалеке, то здесь она, кажется, исчезает полностью. У автора "Светлой печали" вместо светлых детских воспоминаний, с которыми всегда ассоциировались наиболее гармоничные эпизоды его сочинений, теперь лишь безмолвие после совершившейся трагедии, попытка что-то сказать, но на это "что-то" многократно откликается эхо холодных звуков рояля, а тембр гитары придает еще и некую нереальность происходящему. Остается жуткое ощущение уже случившейся катастрофы после взрыва атомной бомбы, превратившего все вокруг в голую пустыню и равнодушный пепел. Холодное и отстраненное звучание скрипок после гаммообразных всплесков постепенно сходит на нет, и произведение заканчивается вопросом — что же дальше? Этот же вопрос встает и в трио-сонате полистилиста А. Шнитке. Единственная тема, претерпевая бесконечные метаморфозы, блуждает во тьме, натываясь то на знакомую романтическую элегичность, то перетекает из модернистской сложности в неоклассическую простоту. И все это оказывается призрачной дымкой, за которой тема в уродливом, гротескном звучании а ла Шостакович исчезает в никуда, оставляя нам тот же немой вопрос. А что же дальше за пошлостью, грубостью, бесконечными распрями и неискоренимой подлостью?

А дальше на бис оркестр исполнил две милые классические миниатюры — Шумана и Прокофьева. Вероятно, дирижер хотел подчеркнуть концептуальную выстроенность выбранных произведений, оставляя ошеломленного слушателя наедине с размышлениями о будущем. Проблема не только искусства, но и всего нашего общества, где, к сожалению, пока побеждают бездуховность, хамство и людская отчужденность, которую хочется не видеть и от которой хочется уйти.

Но, может быть, не стоит уходить, а дожидаться от Башмета ответа на этот вопрос в следующем концерте?

Екатерина ЧЕРНОУСОВА.